

Журнал «Война и рабочий класс»

№9, 1943

УДК 355/359
ББК 68
Ж92

Ж92 Журнал «Война и рабочий класс»: №9, 1943 / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-458-69398-1

Журнал «Война и рабочий класс» выходил два раза в месяц. Журнал освещал вопросы внешней политики СССР и иностранных государств и актуальные события международной жизни. В журнале принимали участие учёные, писатели, журналисты, руководители профсоюзного движения и другие общественные деятели. Журнал распространялся по индивидуальной подписке и продавался в газетных киосках.

ISBN 978-5-458-69398-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

только героическая борьба югославских партизан, народная расправа с гитлеровскими палачами в Польше, во Франции, в Голландии, но и события, разыгравшиеся в самой «мирной» Дании.

Естественно, что народы оккупированных Гитлером стран стремятся скорее вырваться из войны, скорее освободиться от ига немецко-фашистских захватчиков. Народам Советского Союза, на долю которых выпали исключительные испытания, понятно это стремление оккупированных стран сократить сроки войны и покончить с гитлеровской тиранией.

В то же время в странах, союзных Германии, растёт недовольство затянувшейся войной, особенно в связи с новыми и новыми военными поражениями Гитлера и его сателлитов. Об этом наиболее ярко свидетельствуют события в Италии, где стремление вырваться из войны охватило широкие массы народа.

В затяжке войны теперь могут быть заинтересованы только гитлеровцы, которые потеряли уже веру в свою победу. Гарри Гопкинс несомненно прав, указывая, что гитлеровцы проявляют большое упорство в борьбе за своё существование. Он пишет: «Они боятся озлобленных масс Европы, разгневанного русского народа и справедливой кары Объединённых наций. Да, они должны бояться этого. Возможно, что они больше не надеются на победу, но они надеются на длительную, затяжную войну и компромисс». Гопкинс справедливо отвергает самую мысль о компромиссе с гитлеровцами. Но на этом нельзя останавливаться. Необходимо опрокинуть также имеющиеся у немецких фашистов расчёты на затягивание войны, в котором они видят свой последний якорь спасения.

Гитлеровцы продолжают подбадривать себя и пытаются ещё злорадствовать по поводу трудностей своего противника. Недавно газета «Берлинер локальандейгер» в статье под заголовком «На кого работает

время?» писала: «Затяжка войны всё более усиливает голод и разруху в контролируемых в настоящее время Англией и США странах, как, например, на Ближнем Востоке, в Северной Африке и в Индии». Но это злорадство является лишь попыткой прикрыть тревогу и страх гитлеровцев перед приближающимся часом расплаты.

Ещё недавно гитлеровцы верили в победу и имели военные успехи. Теперь это ушло в область прошлого. После крупных успехов Красной Армии, выразившихся в мощном и глубоком наступлении на всём советско-германском фронте—от Чёрного и Азовского морей до Смоленска,—и после больших успехов англо-американских войск на средиземноморском театре войны, обеспечивших вступление войск наших союзников на территорию Италии, военное положение гитлеровской Германии коренным образом изменилось к худшему. Понятно, что теперь гитлеровцы ищут спасения в затягивании войны и спекулируют на обострении политического кризиса в Европе.

Между тем Советский Союз, Великобритания и Соединённые Штаты Америки, представляющие из себя сложившуюся мощную политическую и военную коалицию, располагают теперь громадными военными средствами, крупнейшими армиями и всем необходимым вооружением, чтобы не дать врагу затягивать войну. Теперь союзные страны имеют все предпосылки, чтобы решительно сократить сроки войны, с максимальным эффектом используя для этого имеющиеся в их распоряжении военные факторы. Дело только за соответствующими положительными решениями. Самый глубокий интерес народов союзных стран заключается теперь в том, чтобы те, от кого это зависит, практически решили вопрос о сокращении сроков войны, чтобы в этом вопросе не было дальнейших оттяжек. Решение вопроса о сокращении сроков войны — неотложное общее дело союзных стран.

О Военно-Политической Комиссии союзных стран

А. Б.

26 сентября в советских газетах было опубликовано сообщение, что в результате недавнего обмена мнениями между правительствами Советского Союза, Соединённых Штатов Америки и Великобритании учреждена Военно-Политическая Комиссия в составе представителей СССР, США и Великобритании с участием представителя Французского Комитета Национального Освобождения, и что местопребыванием Военно-Политической Комиссии на первое время избран город Алжир. Как указывалось в этом сообщении, первоочередной задачей Военно-Политической Комиссии намечается рассмотрение вопросов, связанных с условиями перемирия с Италией, и мероприятий по контролю за осуществлением этих условий, а также совместное обсуждение других аналогичных проблем на освобождаемых союзниками вражеских территориях.

По сообщениям английской печати, министр иностранных дел Великобритании А. Иден, говоря о создании Средиземноморской Комиссии, как он назвал Военно-Политическую Комиссию, заявил на собрании в Альбертхолле, что первой задачей этой Комиссии является разрешение проблем, связанных с перемирием, подписанным с Италией, и разрешение также проблем, связанных с освобождением оккупированных противником районов.

Так рисуются основные линии работы Военно-Политической Комиссии, поскольку о них можно судить по приведённым выше сообщениям. Надо сказать, однако, что это лишь общие линии работы, принципиальные установки, если можно так выразиться, будущей деятельности Военно-Политической Комиссии. Мы не имеем ещё более подробной и полной характеристики задач этой Комиссии. Однако уже сказанного достаточно для того, чтобы судить о большом значении вопросов, подлежащих рассмотрению Военно-Политической Комиссией. Надо полагать, что к числу таких вопросов в первую очередь должны быть отнесены вопросы, связанные с разнообразными мероприятиями, регулирующими политико-административную жизнь страны. Сюда должна быть отнесена,

очевидно, также разработка различного рода деклараций, прокламаций, инструкций и других документов, какие должны выпускаться от имени Объединённых наций или от имени Военно-Политической Комиссии к местным властям или к местному населению. Само собой разумеется, вопросы военно-оперативного характера должны быть отнесены непосредственно к компетенции союзных главнокомандующих.

Весьма важной частью работы Военно-Политической Комиссии, должно быть, явится работа по контролю за осуществлением условий перемирия. Сюда относятся такие вопросы, как положение вооружённых сил Италии, как проблемы демобилизации, разоружения, эвакуации капитулировавших вражеских армий и дальнейшая их судьба. Дело контроля за осуществлением условий перемирия, подписанного с Италией, несомненно, должно привлечь к себе самое серьёзное внимание Военно-Политической Комиссии, которая должна учесть опыт первого периода капитуляции Италии и обеспечить недопущение в дальнейшем недочётов и таких фактов, как например бегство Муссолини и ряда других фашистско-итальянских главарей, ускользнувших из рук союзников.

Вполне естественно, что учреждение Военно-Политической Комиссии вызвало большой интерес в общественных и политических кругах всего мира и, в частности, в Великобритании и Соединённых Штатах Америки, широко обсуждающих вопросы, связанные с образованием этой Комиссии и предстоящей её деятельностью.

Так, английская газета «Таймс» писала в номере от 21 сентября, что проект учреждения этой Комиссии наряду с другими проектами, касающимися отношений трёх держав, встретил «сочувственное отношение со стороны британского народа, который видит в них прямой и вполне деловой способ более тесного сближения и совместной работы трёх главных союзников как в войне, так и в организации мира».

Говоря о таких функциях Военно-Политической Комиссии, как наблюдение за осуществлением условий перемирия в Италии

и обсуждение военных и политических проблем, связанных с судьбой сателлитов Германии, готовых отпасть от неё, газета «Таймс» подчёркивала, что для осуществления этих функций Военно-Политическая Комиссия должна располагать весьма широкими полномочиями. Нельзя не присоединиться к этому замечанию газеты «Таймс», так как без широких полномочий, способных обеспечить максимальную эффективность деятельности Военно-Политической Комиссии, нельзя и представить себе работы этой Комиссии. Кстати, следует отметить, что с высказанной газетой «Таймс» точкой зрения на компетенцию Военно-Политической Комиссии не вяжется мнение дипломатического корреспондента этой газеты, сводящееся к тому, что Военно-Политическая Комиссия является комиссией экспертов, в функции которой должно входить лишь представление заключений и советов своим правительствам. Такое представление о компетенции Военно-Политической Комиссии не соответствует задачам этой Комиссии, как они характеризуются приведёнными выше официальными советскими и английскими заявлениями.

Сотрудничеству трёх держав — Советского Союза, Соединённых Штатов Америки и Великобритании — в вопросах, касающихся Средиземного моря, придаёт большое значение и американская печать. «Нью-Йорк таймс», говоря о создании Средиземноморской Комиссии, как называет эта газета Военно-Политическую Комиссию, указывает, что она «может послужить мостом, связы-

вающим англичан и американцев с Советским Союзом в Европе».

«Включение Советского Союза в эту Комиссию, — пишет «Нью-Йорк таймс», — даёт СССР возможность участвовать в разрешении экономических и политических проблем, касающихся всего Средиземного моря, в котором Россия традиционно заинтересована». Газета считает, что эта Комиссия «в течение длительного времени останется гражданским органом власти союзников в районе Средиземного моря».

В Советском Союзе Военно-Политической Комиссии придаётся серьёзное значение ввиду задач, поставленных перед ней правительствами трёх ведущих держав антигитлеровского блока. Военно-Политическая Комиссия, состоящая из представителей этих держав с участием представителя Французского Комитета Национального Освобождения, будет, надо полагать, содействовать всей своей деятельностью дальнейшему укреплению сотрудничества союзных стран и всех стран, борющихся против гитлеровской Германии и её сателлитов, во время войны, а также в послевоенный период.

Как известно, в настоящее время уже назначены представители СССР, Великобритании и Соединённых Штатов в Военно-Политическую Комиссию в лице А. Я. Вышинского (СССР), Макмиллана (Великобритания), Вильсона (США). Надо ожидать, что в ближайшее время Военно-Политическая Комиссия приступит к своей работе.

Период перед второй мировой войной и борьба Советского Союза за мир*

Академик Вл. ПОТЕМКИН

ОТ ЛОКАРНО К МЮНХЕНУ
(1925—1938)

«Водораздел между годами войны и годами мира», — характеризовал участник Локарнского соглашения, тогдашний британский министр иностранных дел Остин Чемберлен историческое значение Локарнского договора. «Наиболее серьёзное достижение

дипломатии в деле замирения и восстановления Европы со времени перемирия», — оценивала Рейнский пакт газета «Морнинг пост». Хору этих славословий вторил голос маститого дипломата Англии лорда Грея. 11 ноября 1925 года, выступая на митинге «друзей Лиги наций» в Манчестере, бывший министр иностранных дел Великобритании заявил, что Локарно «устраняет угрозу воз-

* Продолжение. Начало см в № 8 нашего журнала.

никновения в Европе двух дипломатических группировок, — как это было тогда, когда Франция создавала один блок, а Германия — другой».

Действительность не оправдывала этих оптимистических предсказаний. «Мы далеки от мира...» — меланхолически размышляла французская газета «Тан» после Локарнской конференции.

Английская дипломатия торжествовала победу: в Локарно ей удалось поставить Францию на одну доску с Германией; при этом обе страны вместе с Бельгией подчинялись англо-итальянскому контролю. Единомышленники Чемберлена не скрывали своего злорадства. «После Локарно, — возвещала газета «Таймс», — Франция и Германия находятся в совершенно одинаковом положении». «Теперь нет больше союзников... этот военный термин пора вычеркнуть из политического лексикона», — заявлял сам Чемберлен.

Легко себе представить, как воспринимались во Франции эти декларации бывших союзников! Самоуверенность и бесцеремонность английской опеки возмущали французских империалистов. Победу над Германией они приписывали прежде всего своему национальному оружию. Версальским договором они рассчитывали утвердить в Европе французскую гегемонию. С Германией они предпочитали договариваться без навязчивых посредников. Немецкая дипломатия не уклонялась от переговоров с французами. Рознь между победителями не оставалась для неё тайной. Немцы лавировали между англичанами и французами, разжигая в своих интересах их соперничество.

Летом 1924 года в Эссен прибыл председатель «Комите де Форж»; целью его приезда было выяснить возможность сотрудничества магнатов французской металлургии с германскими углепромышленниками. Последовали переговоры в Берлине, Брюсселе, Париже. Плодом их явились такие франко-германские соглашения, как «стальной пакт» (30 сентября 1926 года) и «железный пакт» (6 ноября 1926 года). Так, без помощи английских опекунов, хозяева Франции сами искали путей к сговору с Германией.

Англичане не оставались в долгу. Их дипломатия усердно внушала немцам, что авансы французских капиталистов не заменят для Германии поддержки деловых кругов лондонского Сити и дипломатической помощи Даунинг-стрит. В пику французам англий-

ская дипломатия заигрывала и с Италией. В начале декабря 1925 года в Раппало состоялось интимное совещание Остина Чемберлена с Муссолини. Дипломатическим результатом этих переговоров явился обмен нотами 14—20 декабря 1925 года между британским послом в Риме Грэхемом и Муссолини. «Ввиду отношений взаимного доверия, установившегося столь счастливым образом между обоими правительствами», Англия выражала готовность предоставить Италии ряд экономических и политических позиций в Абиссинии.

Англо-итальянская сделка всполошила абиссинского негуса. Он обратился в Лигу наций, протестуя против соглашения третьих держав за счёт Абиссинии. Франция и США поддержали этот демарш. Англичане с итальянцами благоразумно ретировались: они поспешили заверить Лигу, что отнюдь не имели в виду раздела Абиссинии. Это не помешало итальянской печати яростно обрушиться на Францию. Она упрекала французов в том, что они указали Абиссинии «дорогу в Женеву». В этом итальянские империалисты усматривали «опасный прецедент».

Вскоре и англичане взяли свой реванш: в январе 1926 года заключено было англо-итальянское соглашение о военных долгах Италии; оно предоставляло итальянцам некоторые льготы при выплате этих долгов Великобритании. Английская дипломатия этим не ограничилась. Она помогла заключению договора дружбы между Италией и Испанией, подписанного 7 августа 1926 года. Теперь уже французская пресса забила тревогу. Она утверждала, что итало-испанский договор содержит ряд секретных статей. В них якобы предусмотрен передел французских колоний в Северной Африке, при этом будто бы испанское правительство соглашалось предоставить Италии Балеарские острова для контроля морских сообщений Франции с её африканскими владениями. Так, руками своих пособников, «владычица морей» расставляла мины на путях своего бывшего союзника... Летом 1926 года английская эскадра навестила порты Югославии в Адриатическом море. Цель этого внезапного визита была ясна. Нужно было наглядно продемонстрировать сильнейшей спутнице Французской республики на Балканах грозную мощь Великобритании и предупредить Югославию против односторонней профранцузской ориентации.

Не теряла времени и французская дипло-

матия. В свою очередь она спешила укрепить позиции Франции на Балканах и на Ближнем Востоке. 30 мая 1926 года была подписана франко-турецкая конвенция о дружбе. На это Англия немедленно ответила заключением дружественного договора с той же Турцией 5 июня 1926 года.

Пройдёт ещё несколько дней — и Франция подпишет договор о дружбе с Румынией, а затем и союзный договор с Югославией. На этот раз обскакать французскую дипломатию возьмётся новоявленный партнёр Англии — Муссолини. 16 сентября 1926 года Италия заключит с Румынией договор «о дружбе и сердечном сотрудничестве».

Та же Италия, следуя примеру Англии, нажимала и на Югославию. 27 ноября 1926 года был подписан в Тиране итало-албанский пакт о «дружбе и безопасности». Тиранский договор фактически устанавливал протекторат Италии над Албанией. Более того: он приобретал значение прямой угрозы, направленной со стороны Италии против Югославии и стоявшей за ней Франции.

Чемберлену оставалось только поощрять своего проворного итальянского партнёра. Осенью 1926 года английский премьер выехал в Ливорно на новое свидание с Муссолини. Вскоре после этого итальянский империализм заговорил вызывающим языком. Своей целью он уже провозглашал создание «великой Италии» — в границах Римской империи цезарей. Версальскую систему он объявлял «национальным врагом» Италии, Лиге наций давал уничтожающую оценку. Муссолини требовал признания преимущественных интересов Италии в бассейне Средиземного моря, на Балканах, в придунайских областях. Наиболее запальчивые его единомышленники шли дальше: они распространяли притязания «великой Италии» на Чёрное море, на Кавказ, на турецкие вилайеты, даже... на Персию с Афганистаном.

На одном из дипломатических приёмов в Анкаре, не стесняясь присутствием руководителей турецкого правительства, итальянский посол Чезаре Монтанья громогласно распространялся о том, что Италия страдает от перенаселения; она нуждается в новых землях, в источниках сырья, в рынках сбыта; ей по праву должны принадлежать плодородные области Адалии, Аданы, Смирны. Если Италии добровольно не уступят этих районов, она силой «взломает их двери».

Наглежащий итальянский империализм открыто включал войну в свою политическую

программу. «Восемь миллионов итальянцев готовы броситься в бой...», «Война — огонь очистительный: она исцеляет и крепит дух нации...» — такие лозунги выбрасывала фашистская печать.

Сам Муссолини в напыщенной статье, помещённой в итальянской энциклопедии, славословил войну как высочайшее призвание мужественных народов.

Чувствуя за собой покровительство британского льва, итальянский шакал пробовал усвоить повадку царственного зверя.

Кто же потворствовал дерзким замыслам авантюристов, возомнивших себя наследниками римских цезарей? Те же «умиротворители» из лагеря Чемберлена, что вскармливали и немецкого зверя. Своими руками ковали они железо будущей оси Рим—Берлин, острие которой в конце концов обратится против них самих.

1926 год ознаменован был поветрием «дружественных» международных соглашений. Можно ли было видеть в этом доказательство действительного умиротворения Европы? Можно ли было думать, что вдохновители этой политики искренно заинтересованы в стабилизации международных отношений?

События показали, что эпидемия блоков и группировок, охватившая капиталистическую Европу, означала не что иное, как расстановку сил для новой войны. Напрасно заверяла английская дипломатия, что она стремится установить равновесие на европейском континенте. Вместо равновесия получались англо-французские качели. Всё острее становилось соперничество между державами-победительницами; всё смелее подымали голову агрессоры, готовившиеся к новому переделу мира; в нападении на Советскую Россию и разграблении её богатств искали выхода из тупика капиталистические правительства.

Не о мире между народами, а о борьбе против страны Советов думали сателлиты Франции — Румыния и Польша, — возобновляя в 1926 году свой военный союз, заключённый ещё 1 марта 1923 года. Не миролюбивым, а враждебным России актом был франко-румынский договор от 10 июня 1926 года, санкционировавший разбойничий захват Румынией Бессарабии. Не к умиротворению северо-восточной и юго-восточной Европы стремилась английская дипломатия, стараясь сколотить балтийское и балканское Локарно: английские империалисты думали о своём: они пытались создать такие между-

народные группировки, которые могли бы служить «санитарным кордоном» против Советской России, а в случае нужды и плацдармом для прямого нападения на её территорию.

Враждебным замыслам империалистов правительство Советского Союза противопоставляло свою последовательную политику мира. В период 1925—1927 годов им был заключён ряд дружественных международных договоров: о дружбе и нейтралитете — с Турцией 17 декабря 1925 года, с Германией — 24 апреля 1926 года, с Литвой — 28 сентября 1926 года; о нейтралитете и ненападении — с Афганистаном 31 августа 1926 года, с Ираном — 1 октября 1927 года; ещё ранее, 31 мая 1924 года, подписан был китайско-советский договор.

Враги Советского Союза не унимались. Они не хотели мириться с фактом быстрого возрастания международного авторитета Советского Союза. Рассчитывая втянуть СССР в военные конфликты, они не останавливались перед актами прямой провокации. Нападение на советское полпредство в Пекине 6 апреля 1927 года; полицейский разгром англо-советского акционерного общества «Арко» в Лондоне 12 мая 1927 года; опубликование 26 мая 1927 года в английской Белой книге фальшивых документов с целью скомпрометировать деятельность советских представителей в Англии; нота Чемберлена от 27 мая 1927 года о разрыве дипломатических отношений между СССР и Англией; расторжение англо-советского торгового соглашения; вооружённое нападение на советских дипкурьеров Нетте и Махмасталя в феврале 1926 года в Латвии; убийство советского посла Войкова в Варшаве 7 июня 1927 года; попытка покушения на поверенного в делах СССР в Польше 2 сентября 1927 года; покушение на торгпреда СССР в той же Польше летом 1928 года — таков ряд наиболее характерных фактов, в которых выразилось стремление империалистов втянуть СССР в войну и сорвать мирную работу страны Советов по восстановлению своего хозяйства.

Подготовка империалистов к новым войнам сопровождалась бешеной гонкой вооружений. Это вызывало тревогу международного общественного мнения. Чтобы усыпить беспокойство широких масс, правительства империалистических стран прибегали к пацифистской маскировке. 24 сентября 1926 года на 6-й сессии Лиги наций было принято ре-

шение о подготовке конференции по сокращению и ограничению вооружений.

К участию в работах подготовительной комиссии по разоружению был привлечён и Советский Союз. Как же были встречены предложения его делегации немедленно заключить международную конвенцию о всеобщем и полном разоружении? Французский делегат «социалист» Поль Бонкур иронически благодарил советскую делегацию за столь «ценные предложения». Однако он заявил, что Лига наций отказывается от «упрощённого подхода к запутанной и сложной проблеме». На следующей, 5-й сессии подготовительной комиссии делегат Великобритании лорд Кашендэн запальчиво допытывался, какими «скрытыми мотивами» внушены советскому правительству его «драматически-внезапные предложения». Даже буржуазная печать вынуждена была признать неуклюжее выступление разгневанного лорда «замечательным актом саморазоблачения». В конце концов советский проект был отклонён.

Международное общественное мнение пытались обмануть пацифистской шумихой вокруг пакта Бриана—Келлога о запрещении войны как орудия национальной политики. Авторы этого проекта преследовали далеко не бескорыстные цели: Бриану нужно было поднять международный престиж Франции и сговориться с Соединёнными Штатами об урегулировании военных долгов; Келлог рассчитывал ослабить влияние Лиги наций, стремясь обеспечить Соединённым Штатам роль международного арбитра.

Советский Союз не был привлечён к участию в переговорах о пакте Бриана—Келлога. Он ясно видел все несовершенства этого проекта. Тем не менее он принял предложение примкнуть к новому договору, якобы служащему делу мира. Этого мало: не дожидаясь ратификации пакта всеми 14 государствами — его участниками, — правительство СССР предложило своим ближайшим соседям подписать протокол о немедленном введении в действие договора Бриана — Келлога. Этот документ и был подписан в Москве 9 февраля 1929 года Советским Союзом, Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией. Несколько позже к Московскому протоколу присоединились Турция, Персия и Литва.

Мировой экономический кризис, разразившийся в конце 1929 года, содействовал крайнему обострению международной обстановки. Ещё настойчивей, чем раньше, агрессивные элементы империалистических стран

принялись готовить войну против СССР. Начались провокационные кампании против советского «демпинга» и «принудительного труда»; возник проект пан-Европы Бриана, рассчитанный на создание блока европейских государств против Советского Союза. Усилилась подрывная работа империалистической агентуры и внутри Советской страны. Впоследствии выяснилось, что к весне 1930 года готовилась новая военная интервенция против СССР. Намечался созыв международного антибольшевистского конгресса. Папа Пий XI в послании к генеральному викарию в Риме кардиналу Помпелли призывал верующих всего мира к «молитвенному крестовому походу против СССР». Еврейские раввины в Польше объявляли «антисоветский пост»... Работу шпионов, вредителей и диверсантов в Советском Союзе направляли французский и немецкий генеральные штабы. Во Франции этим ведал генерал Жаннен. В Германии глава рейхсвера Сект с 1923 по 1930 год израсходовал на субсидии троцкистам и бухаринцам до 2 миллионов золотых марок.

Усиленно готовясь к «исправлению» своих границ на Востоке, Германия стремилась укрепить свои позиции и в Центральной Европе.

19 марта 1931 года было подписано соглашение Курциуса—Шобера о создании австро-германского таможенного союза. Вскоре, однако, Курциусу и Шоберу пришлось заявить, что они аннулируют свой договор. Затем последовала отставка обоих министров. Причиной явились дипломатические протесты Лондона и Парижа против нарушения Версальского договора. Развязка ускорена была нажимом французских банков, прекративших отпуск кредитов центральному банку Австрии. Было очевидно, что Германия ещё не достаточно сильна, чтобы произвести взрыв версальского режима.

Впрочем, у немецких ревизионистов оказывались единомышленники и за океаном. В Соединённых Штатах Америки всё ещё жила неприязнь к Версальскому договору, которым американцы были отстранены от руководства делами Европы. К тому же в связи с принятием плана Дауэса, проекта Юнга, моратория Гувера американский капитал, вложенный в немецкие банки и предприятия, склонен был оказывать покровительство немцам.

23 октября 1931 года председатель сенатской комиссии по иностранным делам США

Бора выступил на очередной пресс-конференции с заявлением о необходимости пересмотра некоторых положений Версальского договора,— в частности, о Польском коридоре, о Верхней Силезии, о репарациях. Декларация Бора вызвала оглушительный шум в мировой печати. Общее возбуждение ещё усилилось, когда, два дня спустя, в Неаполе с громовой речью выступил Муссолини. «Как можно говорить о реконструкции Европы,— патетически восклицал глава фашистской Италии, — пока не пересмотрены некоторые статьи мирных договоров, которые привели весь мир на грань материального крушения и морального отчаяния?!» Пресса кричала о неизбежности пересмотра Версальского договора. Мнения расходились лишь в одном— будет ли эта ревизия проведена в порядке мирного соглашения или же проблема будет разрешена применением силы.

На Дальнем Востоке этот спорный вопрос уже разрешался в пользу силы.

В пресловутом меморандуме Танака, опубликованном в сентябре 1931 года, японский империализм призывал к войне за новый передел мира. Вашингтонский договор девяти держав объявлялся «самоубийством Японии». Меморандум намечал головокружительный план вооружённого захвата огромных территорий под знаменем паназиатского владычества Японии.

От слов японские империалисты уже переходили к делу: в ночь на 19 сентября 1931 года войска Японии ворвались в Манчжурию.

Что же предпринимали создатели послевоенного «мира» для его защиты? Что сделала Лига наций для обуздания японского агрессора? Английская дипломатия, уже начавшая в Лондоне переговоры с японцами о разделе Китая на сферы влияния, заняла в японо-китайском конфликте прояпонскую позицию. 11 января 1932 года газета «Таймс» многозначительно отмечала, что Китай «не представляет собой целостного государства»; поэтому-де Япония с ним и не считается. 22 марта министр иностранных дел Англии Саймон распространялся в палате общин о «дружелюбно-примирительных методах, которые применяет в отношении Японии правительство Великобритании». 27 февраля 1933 года Остин Чемберлен выступил с прямым обвинением Китая в провокации в отношении Японии. Сам премьер признался, что его собственные симпатии—на стороне Японии. Комиссия Литтона, направленная Ли-

гой наций для обследования положения в Манчжурии, вернулась в Женеву с двусмысленными заключениями: она высказывалась за сочетание территориальной и административной целостности Китая с широкой автономией Манчжурии и признанием в этой провинции особых интересов и прав Японии. Фактически японский агрессор оставался безнаказанным. Более того: он открыто издевался над европейскими «миротворцами». Факт поразительный: известие о бомбардировке Шанхая японцами было получено в Женеве в самый день открытия международной конференции по разоружению. По свидетельству Нейль-Деккера, личного секретаря Гендерсона, председателя комиссии, японское командование вполне сознательно подготовило этот театралный эффект. Идея его была предварительно одобрена владельцами некоторых крупнейших европейских военных заводов, явно заинтересованными в разжигании войны.

27 марта 1933 года Япония заявила о своём выходе из Лиги наций: она спешила развязать себе руки, чтобы действовать без всяких помех. Так запылал на Дальнем Востоке первый очаг будущей второй мировой войны.

Пример Японии не остался без подражания: ещё в конце июля 1932 года Германия демонстративно покинула конференцию по разоружению; в октябре 1933 года, вслед за Японией, она выходит из Лиги наций. В это время у власти в Германии уже стоял Гитлер. Можно ли было не понимать, что сулит миру это господство автора «Моей борьбы»? Но близорукие руководители английской, французской и американской дипломатии и на этот раз успокаивали общественное мнение. Они заверяли, что с Гитлером можно будет договориться. «Сохранение в кабинете Гитлера такого опытного министра иностранных дел, как фон Нейрат, — писала «Таймс», — гарантирует преемственность внешней политики Германии». «Манчестер гардиен» выражала надежду, что вице-канцлер фон Папен, якобы известный своими симпатиями к французам и женатый на француженке, добьётся соглашения с Францией. Американская буржуазная пресса утверждала, что в дипломатических кругах Вашингтона канцлерство Гитлера «не возбуждает серьёзных опасений».

Сам Гитлер делал всё, чтобы усыпить тревогу держав-победительниц. Он заверял, что всё внимание Германии обращено на восток

Европы. Там немцы обретут необходимое им «жизненное пространство». Там лежат будущие рынки Германии. Там руками Германии уничтожена будет большевистская зараза, угрожающая всему капиталистическому миру.

Заверениям Гитлера вторил из Рима Муссолини. Дипломатическим канцеляриям Франции, Англии и Германии уже сообщено было предложение главы фашистской Италии о заключении «пакта четырёх». Этот договор якобы должен был упрочить мир в Европе, вручив управление её судьбами правительствам четырёх великих держав.

В марте 1933 года для переговоров с Муссолини прибыл в Рим медоточивый премьер Англии из лейбористов — Макдональд. Эта поездка главы кабинета подверглась убийственной критике со стороны представителя оппозиции Уинстона Черчилля. Издеваясь над паломничеством Макдональда в новую Каноссу, Черчилль саркастически рекомендовал «достопочтенному джентльмену» заняться более серьёзными и неотложными внутренними делами: пусть руководство внешней политикой он предоставит более опытным людям. Всё же 7 июня «пакт четырёх» был подписан. Невзирая на сарказмы Черчилля Макдональд заносил этот договор в актив своей политики «умиротворения». Муссолини торжествовал: он уже предвкушал своё участие в дипломатических конференциях за круглым столом, где Италия вместе с Германией и Англией составят общий фронт против Франции. Повидимому, не возражал против такой перспективы и Гитлер.

Но Франция лишь скрепя сердце шла на подписание «пакта четырёх». В её глазах он являлся продолжением антифранцузской линии Локарно; к тому же новорожденная директория грозила свести на-нет Лигу наций. Это означало тяжёлый удар по всей системе дружественных и союзных связей Французской республики. Малая Антанта предавалась на волю Гитлера и Муссолини.

Польское правительство было в смятении. Его посол в Риме Высоцкий давал в Варшаву тревожные сигналы. Оказывается, в упении дипломатическим успехом Италии, начальник кабинета Муссолини барон Алоизи уже хвастался во всеуслышание, что «дуче» поможет Гитлеру вернуть Данциг и Польский коридор. Варшавское правительство спешило поручить своему послу в Берлине Липскому найти способы предупредить эту

опасность, заключив с Гитлером миролюбивое соглашение. Гитлер не уклонялся от этих переговоров. Что стоило ему выдать новый фальшивый вексель? 26 января 1934 года за подписями Нейрата и Липского опубликовано было соглашение между Германией и Польшей, заключённое на десятилетний срок. В нём заявлялось об установлении прочной дружбы между Польшей и Германией и об отказе их от применения силы при разрешении спорных вопросов.

Так водворялся в Европе «мир», под обманчивым покровом которого шла усиленная подготовка к новой войне. Лишь советское правительство ясно видело опасность политики заигрывания с агрессорами, проводимой под видом «умиротворения Европы». Серия пактов о ненападении, заключённых Советским Союзом с Польшей, Литвой, Латвией, Эстонией, Афганистаном, конвенция об определении агрессора, подписанная правительством СССР со всеми сопредельными странами, не исключая Румынии, а также с Чехословакией и Югославией, являлись действенным выражением усилий Советской страны защитить мир против поджигателей войны.

В этом плане намечалось и сотрудничество советской дипломатии с французской. Чувствуя ослабление своих связей с Малой Антантой и Польшей, стоя лицом к лицу с такими соседями, как гитлеровская Германия и Италия Муссолини, Франция, естественно, искала новой опоры. Так возник советско-французский проект восточно-европейского пакта о взаимопомощи. Германия отказалась от участия в этом договоре. Польский министр полковник Бек угодливо пошёл за своим немецким патроном. Государствам, заинтересованным в мире, приходилось подумать о более организованном сотрудничестве с Советским Союзом. 15 сентября 1934 года Советскому Союзу поступило предложение от 34 государств войти в состав членов Лиги наций. Получив согласие, 18 сентября 1934 года общее собрание Лиги наций вынесло решение о принятии СССР в состав её членов.

Убеждённым проводником политики сближения с СССР в целях обуздания агрессоров и организации системы коллективной безопасности являлся престарелый министр иностранных дел Франции Луи Барту. Поджигатели войны решили убрать этого искреннего французского патриота. Злодейское убийство французского министра в Марселе

было актом террора, направленным против защитников международного мира. Преемник Барту Лаваль вступает на путь прямого сговора с Гитлером и Муссолини. Римские соглашения, заключённые в январе 1935 года, предоставляли Муссолини выгодные стратегические позиции на африканском берегу против Баб-Эль-Мандебского пролива, пакет акций французской железной дороги Джибути — Аддис-Абеба и, что важнее всего, свободу действий против Абиссинии.

По возвращении Лавалья в Париж в откровенных беседах ему задавали вопрос: зачем он поощрял Муссолини к нападению на Абиссинию? Подмигивая и ухмыляясь своим щербатым ртом, «торговец фигами» и «цыган», как величали Лавалья его соотечественники, выбалтывал свои «дипломатические» расчёты: Италия, видите ли, перенаселена. Собственные ресурсы страны ничтожны. Она стремится выйти из своего тесного сапога. Она хочет добыть новые земли, рынки, источники сырья. Было бы бедой для Европы, если бы итальянская экспансия прорвалась на Балканы, в Дунайские области или на Ближний Восток. Это повело бы к общеевропейской войне. Почему же не отвести в сторону, не «канализировать» этой беспокойной итальянской стихии? Пусть устремится она в африканские пустыни. Тогда Франция со своими друзьями и союзниками и вся Европа будут спать спокойно...

Едва Лаваль покинул Рим, как фашистский Большой Совет объявил, что, на случай возможных осложнений, правительством будут приняты необходимые военные меры. Девять месяцев спустя, в октябре 1935 года, итальянские войска уже вторглись в Абиссинию. Кроме Дальнего Востока ещё один очаг войны запылал на путях из Европы в Африку и Азию.

Ту же политику сговора и уступок проводил Лаваль и в отношении гитлеровской Германии. В момент плебисцита, решавшего судьбу Саарской области, 13 января 1935 года, Лаваль открыто отступился от защиты национальных интересов Франции. Фашистскому зверю был угодливо брошен жирный кусок. Разбойничья дипломатия Гитлера спешила ещё шире использовать благоприятную ситуацию. 16 марта 1935 года Германия открыто отказывается от выполнения условий, установленных военными статьями Версальского договора. Она вводит обязательную воинскую повинность населения; численность германской армии в мирное время она

определяет в 12 корпусов, 36 дивизий. Германский агрессор начинал чувствовать себя хозяином положения. Он бросал прямой вызов державам-победительницам.

Общественное мнение Франции было встревожено. Оно настойчиво требовало от Лавалля скорейшего заключения франко-советского пакта о взаимопомощи. 2 мая 1935 года, уступая давлению общественного мнения, напуганного ростом немецко-фашистской агрессивности, Лаваль подписал этот договор. Спустя две недели, 16 мая, подписан был и советско-чехословацкий договор о взаимопомощи. В кругах, близких к французскому министру иностранных дел, проговаривались, что Лаваль предварительно заручился согласием Гитлера на «тур вальса» с СССР. Лаваль решился даже на поездку в Москву. Однако перед своим отъездом он заверил германского посла в Париже Вельчека, что подписание франко-советского договора отнюдь не исключает теснейшего франко-германского сотрудничества. Более того: в любой момент можно будет и пожертвовать этим договором, если это понадобится для полного и окончательного соглашения Франции с Германией. Те же успокоительные объяснения, по поручению Лавалля, угодливо представлены были Гитлеру французским послом в Берлине Франсуа Понсэ.

На обратном пути из Москвы, в Варшаве, Лаваль уверял полковника Бека, что Франция, заключая пакт с Советским Союзом, отнюдь не рассчитывала всерьёз заручиться помощью СССР или сама помогать большевикам в случае нападения на них какого-либо агрессора. Франко-советский пакт 2 мая 1935 года был для Лавалля будто бы лишь средством приобрести поддержку демократических масс французского населения и предупредить возможность сближения между СССР и Германией.

Повидимому, теми же доводами успокаивал Лаваль и своих английских друзей, встревоженных сближением СССР с Францией. Ещё 26 апреля 1926 года английский посол в Париже Кларк сообщал Лавалю, что английское правительство боится, как бы Франция не подписала с СССР соглашения, могущего втянуть её в войну с Германией. Как и французские реакционеры, единомышленники Остина Чемберлена не хотели ссориться с гитлеровской Германией: ведь она должна была служить постоянной острост-

кой для великодержавной Франции; ещё важнее было то, что она бралась расправиться с коммунизмом.

Всё же, несмотря на успокоительные заверения Лавалля, заключение франко-советского договора взаимопомощи вызвало переполох в реакционных кругах английской общестственности. Поднялся крик, что в Европе усиливается «большевистское влияние». От правительства требовали скорейших переговоров с Германией. В Лондон явился Иоахим фон Риббентроп. Он принят был с чрезвычайным радушием. 18 июня 1935 года было подписано англо-германское морское соглашение. Вопреки условиям Версальского договора, им узаконялось создание германского военного флота, почти равного французскому. Одновременно немцам предоставлялось право строить подводные лодки с общим тоннажем до 45% подводного флота Великобритании. Так отступалаладычица морей перед напором германской агрессии. Национальные интересы Великобритании приносились в жертву узоклассовым расчётам реакционных групп, видевших в гитлеровской Германии своего союзника в деле борьбы против Советской страны. Британский лев пятился перед немецко-фашистским волком. В это время итальянский шакал уже рыскал и рвал свою добычу в Абиссинии.

Реакционеры Англии и Франции фактически отдавали Абиссинию на растерзание итальянскому хищнику. Решение Лиги наций 7 октября 1935 года о применении к Италии финансовых и экономических санкций свелось на деле к пустой комедии. Ничто не мешало Муссолини поливать ипритом абиссинских пастухов и обращать в пепел мирные хижины туземцев. Демократические державы Запада бездействовали. Одна лишь Советская страна устами своей дипломатии открыто и мужественно защищала свободу и независимость абиссинского народа.

Ободряемые своей безнаказанностью, поджигатели войны нагнали всё более и более. Япония наводняла своими войсками Китай. Италия громила беззащитную Абиссинию; Германия объявляла расторгнутым Локарнский договор и вводила свои вооружённые силы в демилитаризованную Рейнскую зону; на глазах у всего света происходила итало-германская вооружённая интервенция против Испанской республики. Наступление фаши-